

НА БЕСКОНЕЧНО БЕЛОЙ СТОРОНЕ

Стихи с автокомментариями

СРЕДИ МИРОВ

Сонет в прозе

На глади неба волн осенний лист, багряная гряда из облаков. Качает лунный парус легкий бриз. Проснулась стая белых соловьёв. Скользит по граням призрачных миров дубовый и кленовый аромат. Среди галактик разных голосов есть лишь один призывный, как набат. Среди созвездий распахнулся сад. Вспорхнули мысли, сон стряхнув земной. Играет дух, он, как ребёнок, рад вернуться в белоснежный край родной.

Здесь улицы, как розы лепестки, свобода от веселья и тоски.

Прозаический сонет

(этимологический дублет сонета в прозе)

На глади неба лба колеблется вода, колышется резная паутина. Паук-забота сети раскидал, на них налипла суетности тина. На улице, что времени полна, — оно брусчаткой вдаль ведёт прохожих, — все полые, все в сером, все стена, все сыростью пропитаны, тревожны. На солнечной, на противоположной, на бесконечно белой стороне в потоке света три сестры (возможно, оптической иллюзии кубрет).

Растет пространство, линии текут. Часы остановились, не бегут.

Авторский комментарий:

Nomen est omen. Экспериментальные стихотворения в прозе дополнены подзаголовком «этимологические дублеты». Этот лингвистический термин подразумевает, что слова, имеющие различные значения, написание и произношение, восходят к одной основе.

Nomen est omen. Не употребляй термина всуе. По отношению к стихам он уместен, поскольку они объединены формально и тематически. Необходимые для «этимологических дублетов» различия касаются перспектив (точек зрения), с которых рассматривается тема.

Форма — продолжение содержания. Сонет (прежде всего шекспировский) ассоциируется с осмыслением таких концептов, как любовь, время, память. «Ключ сонета» — его последнее двустишие. «Здесь улицы, как розы лепестки, свобода от веселья и тоски». Многозначный символ, роза, соединяет поосторонний и потусторонний миры, позволяя им перетекать друг в друга. «Растёт пространство. Линии текут. Часы остановились. Не бегут». Завершается бег по земному кругу, открывается туннель для перехода в мир иной.

Форма — продолжение содержания. Сближение прозы и поэзии в обоих приведенных стихах помогает удлинить интонационный поток, поставить дополнительные паузы внутри традиционной пятистопноямбовой строки. Читающий и слушающий дышит иначе. Привычная форма получает новую интерпретацию. Акцентное ударение в «Сонете в прозе» падает на слова «лёгкий», «дубовый», «набат», «дух», «родной», «тоски». В «Прозаическом сонете» выделены слова «раскидал», «вдаль», «тревожны», «три», «кубрет», «бегут».

От чувственности к идее. Телесность стихотворения «Среди миров» создаётся благодаря конкретным образам: «лёгкий бриз», «кленовый и «дубовый аромат» и др. Эпитет «дубовый» отсылает к фразеологическому обороту «дать дуба», связанному со смертью, переходом в иной мир. *Переход* описывается как *лёгкий* и *быстрый*. Мир иной — мир «белый», настоящий, находящийся (повосточному) по ту сторону чувств. Телесность помогает ощутить лейтмотив тоски души по родному дому, «граду Божьему». Таким обра-

зом, средневековая августиновская эстетика укореняется в ренессансной форме, якорится на рубеже XIX и XX веков, а читатель путешествует не только во времени, но и в пространстве: Римская империя, Англия, Российская империя, оказываясь «подвешенным» «среди миров».

От чувственности к идее. «Прозаический сонет» — рисунок музыки, звучащей в сонете «Среди миров». Основной цвет — серый, это тревожная минорная палитра (в отличие от белого модерато первого стиха). Тревога близка к самоощущению человека начала XX века (время Первой мировой войны;

присутствует отсылка к «Полым людям» Элиота). «Град Божий» лишь предчувствуется, он лучится на заднем плане (композиционно это «Явление Христа народу», где центральная фигура изображена вдали от основной группы). «Три сестры» — три античные мойры или три античные грации? Читатель делает самостоятельный выбор.

Пульсация. Стихотворение оказывается за пределами времени и пространства, телесно и бесплотно, возвращает нас к традиции, в то же время в нём бьётся пульс настоящего. Неровный пульс времени смены культурных парадигм.